

ПИСЬМО (ИЛИ ИРОНИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ) НАЧИНАЮЩЕМУ ДРАМАТУРГУ

МОЙ ЮНЫЙ ДРУГ!

НАВЕРНОЕ, не я первый замечу, что человеческая жизнь подобна свитку папируса, где каждый виток — год жизни. Пока свиток большой, в каждом витке так много места для письма, что начинаешь вздыхать, не зная, как бы побыстрее его заполнить. Но чем дальше разматываешь, тем меньше остается папируса, и ты снова вздыхаешь — теперь уже из опасения, что не хватит места для высказываний...

Я задумался об этом, когда отмечал довольно солидный срок своей творческой работы: ровно 25 лет назад, после окончания Клайпедского сельскохозяйственного техникума я начал писать «Пари». В то время своими письмами мне оказали большую помощь писатели старшего поколения, драматурги А. Грицис и В. Милонас. Поэтому и я сегодня, обладая некоторым опытом, пишу тебе это пространное письмо.

Что тогда, четверть века назад, я, зеленый юнец, понимал в театре? Видел в своей жизни всего лишь несколько спектаклей. Прочитав «драматургию» В. Волькенштейна, узнал, что каждый диалог в пьесе должен быть подобен поединку на шпагах. А тогдашняя теория бесконфликтности гласила, что в нашей литературе и искусстве борьба может проходить только между хорошим и еще лучшим. Значит, герой пьесы, вместо того, чтобы размахивать шпагой, должен снать перчатку и погладить противника, а тот, отплачивая ему тем же, вдеть в петлицу гвоздик или хотя бы осторожно смахнуть с плеча противника пушинку...

Мы уже забываем об этой теории — в искусстве она не прижилась. Но потерпи, друг мой, мы еще вернемся к ней...

Пока ты с трудом становишься на ноги, пока выглядишь жалким в своей беспомощности, тебе многие помогают. Помогали и мне — Клайпедский драмтеатр и, как я уже сказал, старшие коллеги. Мою первую комедию дважды обсуждали в Союзе писателей, да и в красный уголок театра послушать пьесу начинающего автора собрались все актеры и даже, как мне кажется, мастера всех цехов. Когда были распределены роли, режиссер В. Лимантас вместе с труппой пожелал посетить деревню, где я вырос. Художник Р. Лукшас создал там множество эскизов, а актеры в течение двух дней беседовали с моими домашними и соседями, хотя те и не были прототипами комедии.

В том, что моя первая наивная пьеса «Пари» пользовалась большим успехом, заслуга, конечно, клайпедца.

Я приехал в Вильнюс учиться. Работая над второй комедией «Сильва-студентка», я уже имел определенный опыт. Конечно, пьесу снова обсуждали в Союзе писателей, снова о ней горячо спорили (на этот раз о том, можно ли на сцене показывать человеческий скелет), и снова лицо режиссера К. Кимантайте лучилось доброй улыбкой.

И снова мне повезло. К. Кимантайте поставила «Сильву» на сцене Академического драмтеатра. В этой моей комедии отчетливее выявился конфликт — главное требование к драме, а в работе с режиссером — творческий спор.

Правда, перед уважаемым, многоопытным режиссером я чувствовал себя, словно поробей перед мудрой совой. И иногда мечтал о таком друге, который бы по-товарищески взял за пуговицу пиджака и высказать свое мнение об актере или мизансцене.

— Ну,— сказал я себе после премьеры второй пьесы, — теперь надо учиться и учиться. Буду читать пьесы классиков и современных авторов, как можно чаще ходить на спектакли — в Москве, Ленинграде, Таллине, Риге, за рубежом... Изучу театральную кухню, ознакомлюсь с режиссерскими школами К. Станиславского и Б. Брехта... Я буду драматургом! Надо вырасти из своего поробинного пиджачка!

И что же? Чем больше я видел и читал, чем больше пожинал плодов с древа познания, тем труднее мне было общаться с режиссерами. И вот теперь, мой юный друг, я отмечаю 25-летие своей творческой работы с пятью новыми непоставленными пьесами... Не думаю, чтобы они были хуже предыдущих — 16 моих пьес поставлены в театрах Литвы.

Как я уже говорил, характерный для театра парадокс: чем больше знаешь, тем меньше режиссеры прислушиваются к твоему мнению. Случается, у героев пьесы есть живые прототипы, но театру они почему-то не интересны... Зачем ездить, ломать голову, тратить время, если и без этого залы переполнены? (Иногда даже грустно, что зрители настолько нетребовательны и неразборчивы).

Правда, встречаются и другие режиссеры. Не знаю, может быть, в других республиках они старомоднее, а может быть, все происходит по поговорке: нет пророка в своем отечестве... Например, Пярнуский театр в Эстонии решил к 60-летию Великого Октября поставить мою пьесу «Деревянные голуби». Готовясь к будущим репетициям, в Вильнюс сначала приехал режиссер Ингас Норметас. Потом он прислал художника будущего спектакля и заведующего постановочной частью. В конце концов познакомился с Литвой приехала вся труппа...

Именно так учил работать режиссеров К. Станиславский, которого так часто у нас цитируют.

Итак, дорогой коллега, желаю тебе успехов в театре, советую тебе все делать не так, как делал я.

Первое. Никогда не пытайся терзать режиссера за пуговицу пиджака и говорить с ним на равных. У тебя, в лучшем случае, есть только талант, а у него — диплом и театр. Общаясь с интерпретатором своей пьесы, вспомни о бесконфликтном поединке: сними бережно пушинку с его рукава. Если когда-нибудь тебе удастся проникнуть на репетицию своей пьесы, ты, наверное, удивись тому, что ре-

жиссер нередко разговаривает с актерами на повышенных тонах. Он считает такое общение творческим, а актер молчит, потому что иначе ему не дали бы роли. Молчи и ты, не навязывай своего мнения режиссеру, иначе он не будет ставить твои пьесы.

Второе. Если ты побываешь в лучших театрах братских республик и зарубежных стран, не делись своими впечатлениями при режиссере. Не демонстрируй свою эрудицию! Так или иначе ты театрал, значит, будь немного актером и играй безграмотного человека, который каким-то образом что-то написал, но что написал — одному богу и режиссеру известно...

Третье. Избегай какого-либо активного участия в секции драматургов, в комиссиях, в съездах и собраниях, где когда-нибудь тебе придется высказать свое мнение о спектакле или о театре вообще. Лгать, быть может, ты не захочешь, но истина не всегда принесет тебе пользу.

Сам я, к сожалению, уже много раз нарушал эти правила, за что больно наказан. Разверну перед тобой папирус двухлетней давности...

Мне давно хотелось в каком-нибудь остроумном актерском коллективе провести этот эксперимент — самому поставить пьесу... особенно если в работе над нею чувствуешь, что постановку можно «начинать» остроумием.

Если свое видение невозможно передать режиссеру, может быть, попытаться передать его актерам?

Когда нашим Театром молодежи начала руководить молодой режиссер Даля Тамулявичюте, я решил пообщаться с молодыми. Предложила театру свою новую пьесу — гротеск «Имаго». Д. Тамулявичюте посоветовала обсудить пьесу с актерами, но все не находила для этого времени.

Я ждал. Прошел год. За это время я написал еще одну пьесу — «Путешествие на Агат». И эту пьесу режиссер предложила зачитать в коллективе...

Наконец, мы нашли время: Театр молодежи отправился на гастроли в Клайпеду, и Д. Тамулявичюте предложила мне поехать вместе, чтобы в свободные полдня прочитать обе пьесы сразу.

Почему бы и нет? Я поехал, прочитал. Одни актеры были за «Имаго», другие — за «Агат». В конце концов мы пришли к соломонову решению: театр оставит у себя обе пьесы, а в будущем сезоне приступит к постановке «Путешествия на Агат».

Когда возник вопрос, кто будет режиссером, я предложил эксперимент: я приведу свою сценическую разработку, а методикой и порядком работы пусть займется профессиональный режиссер...

Отлично: свою помощь пообещала сама главный режиссер. Я чувствовал, что постепенно приближаюсь к серьезному повороту в своей судьбе. До начала репетиций еще оставалось полгода, и я посвятил это время книгам прославленных режиссеров и проекту будущего спектакля.

Наконец, мы распределили роли между актерами, прошла первая репетиция... И тут режиссер куда-то уехала.

Времени было немного. Второй режиссер театра, ставивший спектакль для детей, постоянно забирал у меня актеров. Я репетировал с теми, кто не был занят. Композитор уехал в Дом творчества и уже писал музыку для наше-

го спектакля, два энтузиаста-художника создали множество эскизов...

Репетирую неделю, две, а к концу третьей появилась руководительница моего эксперимента. Пришла на репетицию и... прервала нашу работу. Дело, мол, в том, что у меня нет режиссерского опыта и я действовал не по методике. «Путешествие на Агат» вычеркивается из планов театра, работа композитора и художников не получает ни морального, ни материального вознаграждения.

Как найти оправдание, как вообще понять такое поведение руководителя театра?! День-два хожу, словно в воду опущенный. А на третий — являюсь на то место, где меня «подстрелили». Смотрю — новый художник уже демонстрирует эскизы к новому спектаклю, а на доске объявлений висит новое распределение ролей между актерами. Выяснилось: режиссер уже перед отъездом знала, что после возвращения сразу начнет репетировать совсем не «Агат», а пьесу другого драматурга, что эксперимент явится лишь шелчком выскочке, который осмеливался критиковать некоторые постановки театра...

Итак, мой друг, если ты твердо еще не решил, чем заняться, пиши лучше прозу — дольше будешь жить. А если тебя неодолимо влечет театр, еще раз просмотри эти три моих совета. Но если принципы не позволяют тебе ими воспользоваться — что ж, брошу тебе, как утопающему соломинку, несколько утешений.

Когда пишешь, не теряй надежды, что все же рано или поздно появится режиссер, который не только возьмется за твою пьесу, но и будет говорить с тобой, как равный с равным. (В моей творческой практике такие режиссеры были. Не много, но все же были).

Хорошая пьеса — это не только материал для спектакля, но и очень концентрированное литературное произведение, которое многие охотно читают. Читатели иногда очень удачно ставят драматическое произведение в своем воображении. Им не мешает ни шипение актеров, ни усния режиссера вывернуть драматическое действие наизнанку, словно перчатку.

К сожалению, «Вага» пока склонна издавать лишь те пьесы, которые уже были поставлены в театре. Но капля за каплей камень точит. Может быть, наше издательство, наконец, изменит свою точку зрения и признает, что среди непоставленных пьес тоже встречаются неплохие произведения. И тогда уж мы воскликнем: «Ура!». Опубликованную пьесу можно предложить переводчикам.

И наконец, — со временем в человеческом сознании появляется здоровый скептицизм. Сначала начинаешь равнодушнее относиться к упрекам критиков, затем к аплодисментам публики, к тому, что мы называем честью, а еще позднее приходит радость от самого процесса творчества.

Итак, что бы ни было, не торопись отложить перо. Успехов тебе!

Твой Казис САЯ.

114